

Байрон Джордж Гордон

Мазепа

Оглавление

Мазепа

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

XVIII

XIX

XX

КОММЕНТАРИИ

"Тот, кто занимал тогда этот пост, был польский шляхтич, по имени Мазепа, родившийся в Подольском палатинате; он был пажом Яна Казимира и при его дворе приобрел некоторый европейский лоск. В молодости у него был роман с женой одного польского шляхтича, и муж его возлюбленной, узнав об этом, велел привязать Мазепу нагим к дикой лошади и выпустить ее на свободу. Лошадь была с Украины и убежала туда, притащив с собой Мазепу, полумертвого от усталости и голода. Его приютили местные крестьяне; он долго жил среди них и отличился в нескольких набегах на татар. Благодаря превосходству своего ума и образования он пользовался большим почетом среди казаков, слава его все более и более росла, так что царь принужден был объявить его украинским гетманом" (Voltaire. Hist. de Charles XII, p. 196).

"Король бежал, и гнавшиеся за ним враги убили под ним коня; полковник Гнета, раненый и истекающий кровью, уступил ему своего. Таким образом, завоевателя, который не мог сесть в седло во время битвы, дважды посадили на коня во время бегства" (стр. 216).

"Король с несколькими всадниками отправился другой дорогой. Карета, в которой он сидел, сломалась по пути, и его посадили верхом на лошадь. В довершение, он ночью заблудился в лесу. Потеряв лошадь, упавшую от усталости, обессиленный, невыносимо страдая от ран, лежал он несколько часов под деревом, ежеминутно подвергаясь опасности быть настигнутым преследователями" (стр. 218). {Выдержки из сочинения Вольтера "История Карла XII" Байроном приведены по-французски.}

I

Он стих - полтавский страшный бой,
Когда был счастьем кинут Швед;
Вокруг полки лежат грядой:
Им битв и крови больше нет.
Победный лавр и власть войны
(Что лгут, как раб их, человек)
Ушли к Царю, и спасены
Валы Москвы... Но не навек:
До дня, что горше и мрачней,
До года, всех других черней,
Когда позором сменят мощь
Сильнейший враг, славнейший вождь,
И гром крушенья, слав закат,
Смяв одного, - мир молнией поразят!

II

Игра судьбы! Карл день и ночь,
Изранен, должен мчаться прочь
Сквозь воды рек и ширь полей,
В крови подвластных и в своей:
Весь полк, пробивший путь, poleg,
И все ж не прозвучал упрек
Тщеславцу - в час, когда он пал
И властью правду не пугал.
Гнета Карлу уступил
Коня - и русский плен влачил,
И умер. Конь тот, много лиг
Промчавшись бодро, вдруг поник
И пал. В лесной глуши, где мрак
Обвил преследователь-враг
Кольцом огней сторожевых,
Измученный пристал король.
Вот лавр! Вот отдых! - И для них

Народы сносят гнет и боль?
До смертной муки изнурен,
Под дикий дуб ложится он;
На ранах кровь, и в жилах лед;
Сырая тьма над ним плывет;
Озноб, что тело сотрясал,
Сном подкрепиться не давал
И все ж, как должно королям,
Карл все сносил, суров и прям,
И в крайних бедах, свыше сил,
Страданья - воле подчинил,
И покорились те сполна,
Как покорялись племена!

III

Где полководцы? Мало их
Ушло из боя! Горсть живых
Осталась, рыцарскую честь
Храня по-прежнему, при нем,
И все спешат на землю сесть
Вкруг короля с его конем:
Животных и людей всегда
Друзьями делает беда.
Здесь и Мазепа. Древний дуб,
Как сам он - стар, суров и груб,
Дал кров ему; спокоен, смел,
Князь Украины не хотел
Лечь, хоть измучен был вдвойне,
Не позаботясь о коне:
Казацкий гетман расседлал
Его и гриву расчесал,
И вычистил, и подостлал
Ему листвы, и рад, что тот
Траву стал есть, - а сам сперва
Боялся он, что отпугнет
Коня росистая трава;
Но, как он сам, неприхотлив
Был конь и к ложу, и к еде;
Всегда послушен, хоть игрив,
Он был готов на все, везде;
Вполне "татарин" - быстр, силен,
Космат - Мазепу всюду он
Носил; знал голос: шел на зов,
Признав среди тысяч голосов;
Будь ночь беззвездная вокруг,
Он мчался на знакомый звук;
Он от заката по рассвет
Бежал козленком бы вослед!

IV

Все сделав, плащ Мазепа свой
Постлал; копьё о дуб крутой
Опер; проверил - хорошо ль
Дорогу вынесла пистоль,

И есть ли порох под курком,
И держит ли зажим тугой
Кремень, и прочно ли ножны
На поясе закреплены;
Тогда лишь этот муж седой
Достал из сумки за седлом
Свой ужин, скудный и простой;
Он предлагает королю
И всем, кто возле, снедь свою
Достойнее, чем куртизан,
Кем праздник в честь монарха дан.
И Карл с улыбкою берет
Кусок свой бедный - и дает
Понять, что он душой сильнее
И раны, и беды своей.
Сказал он: "Всяк из нас явил
Немало доблести и сил
В боях и в маршах; но умел
Дать меньше слов и больше дел
Лишь ты, Мазепа! Острый взор
С дней Александра до сих пор
Столь ладной пары б не сыскал,
Чем ты и этот Буцефал.
Всех скифов ты затмил, коня
Чрез балки и поля гоня".
"Будь школа проклята моя,
Где обучился ездить я!"
"Но почему же, - Карл сказал,
Раз ты таким искусным стал?"
В ответ Мазепа: "Долог сказ;
Ждет путь еще немалый нас,
Где, что ни шаг, таится враг,
На одного по пять рубак;
Коням и нам не страшен плен,
Лишь перейдем за Борисфен.
А вы устали; всем покой
Необходим; как часовой
При вас я буду". - "Нет; изволь
Поведать нам, - сказал король,
Твою историю сполна;
Пожалуй, и уснуть она
Мне помогла бы, а сейчас
Дремотой не сомкнуть мне глаз".
"Коль так, я, государь, готов
Встряхнуть все семьдесят годов,
Что помню. Двадцать лет мне... да...
Так, так... был королем тогда
Ян Казимир. А я при нем
Сызмлада состоял пажом.
Монарх он был ученый, - что ж...
Но с вами, государь, не схож:
Он войн не вел, земель чужих

Не брал, чтоб не отбили их;
И (если сейма не считать)
До неприличья благодать
Была при нем. И скорбь он знал:
Он муз и женщин обожал,
А те порой несносны так,
Что о войне вздыхал бедняк,
Но гнев стихал, - и новых вдруг
Искал он книг, искал подруг.
Давал он балы без конца,
И вся Варшава у дворца
Сходилась - любоваться там
На пышный сонм князей и дам.
Как польский Соломон воспет
Он был; нашелся все ж поэт
Без пенсии: он под конец
Скропал сатиру, как "не-льстец".
Ну, двор! Пирам - утерян счет;
Любой придворный рифмоплет;
Я сам стишки слагал - пиит!
Дав подпись "Горестный Тирсит".
Там некий граф был, всех других
Древнее родом и знатней,
Богаче копей соляных
Или серебряных. Своей
Гордился знатностью он так,
Как будто небу был свояк;
Он слыл столь знатен и богат,
Что мог претендовать на трон;
Так долго устремлял он взгляд
На хартии, на блеск палат,
Пока все подвиги семьи,
В полубезумном забытии,
Не стал считать своими он.
С ним не была жена согласна:
На тридцать лет его юней,
Она томилась ежечасно
Под гнетом мужа; страсти в ней
Кипели, что ни день, сильнее;
Надежды... страх... и вот слезою
Она простилась с чистотою:
Мечта, другая; нежность взгляда
Юнцов варшавских, серенада,
Истомный танец - все, что надо,
Чтоб холоднейшая жена
К супругу сделалась нежна,
Ему даря прекрасный титул,
Что вводит в ангельский капитул;
Но странно: очень редко тот,
Кто заслужил его, хвастнет.

V

"Я очень был красив тогда;

Теперь за семьдесят года
Шагнули, - мне ль бояться слов?
Немного мужей и юнцов,
Вассалов, рыцарей, - со мной
Могли поспорить красотой.
Был резв я, молод и силен,
Не то, что нынче, - не согбен,
Не изморщинен в смене лет,
Забот и войн, что стерли след
Души моей с лица; меня
Признать бы не смогла родня,
Со мною встретиться и сравни
И прошлые, и эти дни.
К тому ж не старость избрала
Своей страницей гладь чела;
Не совладать покуда ей
С умом и с бодростью моей,
Иначе б в этот поздний час
Не мог бы я вести для вас
Под черным небом мой рассказ.
Но дальше... Тень Терезы - вот:
Туда, за куст ореха тот,
Как бы сейчас плывет она,
Настолько в памяти ясна!
И все же нет ни слов, ни сил
Ту описать, кого любил!
Был взор ее азийских глаз
(Кровь турок с польской кровью здесь
Дает порой такую смесь)
Темнее неба в этот час,
Но нежный свет струился в нем,
Как лунный блеск в лесу ночном.
Широкий, темный, влажный, - он
В своих лучах был растворен,
Весь - грусть и пламя, точно взор
У мучениц, что, на костер
Взойдя, на небо так глядят,
Как будто смерть благодарят.
Лоб ясен был, как летний пруд,
Лучом пронизанный до дна,
Когда и волны не плеснут,
И высь небес отражена.
Лицо и рот... Но что болтать?
Ее люблю я, как любил!
Таких, как я, любовный пыл
Не устает всю жизнь терзать,
Сквозь боль и злобу - любим мы!
И призрак прошлого из тьмы
Приходит к нам на склоне лет,
И - за Мазепой бродит вслед.

VI

"При встречах - я глядел, вздыхал;

Она молчала, но звучал
Ответ в безмолвьи; много есть
Тонов и жестов, что прочесть
Умеют взор и слух: душа
Рождает их, любить спеша;
И вот - загадочная связь!
Она уже с другой слилась,
Помимо воли свой призыв
Каленой цепью закрепив,
Что электрической волной
Проводит пламя в дух чужой.
Глядел, вздыхал я, слезы лил
И все же в стороне бродил,
Ждал быть представленным; а там
Встречаться легче стало нам
Без подозрений. Только тут
Решил признаться я, - и что ж?
При встрече вмиг слова замрут,
И сотрясает губы дрожь.
Но час настал. - Одной игрой,
Забавой глупой и пустой,
(Забыл название!) все кругом
Дни заполняли. Мы вдвоем
Играли тоже: у стола
Нас шутка случая свела.
Исход не волновал меня;
Но быть вблизи, лицом к лицу,
Глядеть и слушать! Как юнцу
Не чуют страстного огня?
Я был при ней как часовой
(Быть нашим зорче б в час ночной!)
И вдруг подметил, что она
Сидит рассеяна, скучна,
Игрой не занята ничуть,
Успехом, сдачей - но стряхнуть
Не может плен ее: сидит
За часом час, хотя бежит
Удача прочь. И вот тогда,
Как яркой молнии борозда,
Сверкнула мысль в мозгу моем,
Что нечто есть в томлении том,
Сулящее надежду мне.
И - хлынули слова, - вполне
Бессвязные, - но им она
Внимала, хоть и холодна.
С меня - довольно: будут нас
Вновь слушать, выслушавши раз,
Душа не в лед превращена,
И безответность - не отказ!

VII

"Любил я; стал любимым вдруг...
Вам, государь, слышал я, - тот

Плен сладкий чужд. Я мой отчет
О смене радостей и мук
Прерву: вам пуст казался б он.
Но ведь не всякий прирожден
Страстями править (иль страной
Как вы - и заодно собой).
Я - князь (иль был им); мог послать
Десятки тысяч - умирать
Там, где велю. Но над собой
Я власти не имел такой.
Да, я любил и был любим;
По правде, счастья выше - нет,
И все же, наслаждаясь им,
Доходишь вдруг до мук и бед.
Все встречи - втайне. Час ночной,
Что вел меня в ее покой,
Был полон огненной тоской,
Дней не видал я и ночей,
Лишь час; он в памяти моей
Доныне несравненным сном
Живет: и я отдать бы рад
Всю Украину, чтоб назад
Вернуть его, стать вновь пажом,
Счастливец, кто владел одним:
Лишь сердцем нежным, да мечом;
Кто был, чужой дарам земным,
Богат здоровьем молодым.
Видались тайно мы. Иной
Находит в том восторг двойной.
Не знаю! Я бы жизнь отдал,
Когда б ее моею звал
При всех, - пред небом и землей!
Я часто горевал о том,
Что встречи наши - лишь тайком.

VIII

"За парочкой всегда следят
Глаза чужие... Мог бы ад
Быть полюбезней... Но навряд
Был сатана тут виноват.
Не заскучавший ли ханжа
Благочестивой желчи дал
Исход, от зависти дрожа?..
И раз лазутчиков отряд
Вдруг ночью нас поймал!
Был вне себя от гнева граф;
Я - без меча; но и представ
С мечом, в броне до самых пят,
Толпою все ж бы я был смят.
Уединенный замок; ночь;
Глушь деревенская; помочь
Кто мог бы мне? Дожить до дня
Я и не думал: для меня

И миги сочтены. С мольбой
Воззвал я к деде пресвятой
Да к двум иль трем святым; свой рок
Приняв, сколь ни был он жесток.
Рой слуг меня во внешний двор
Повел. С Терезой разлучен
Был навсегда я с этих пор.
Представьте же, как был взбешен
Наш гордый непреклонный граф!
И он, по совести, был прав:
Боялся он, чтоб наша связь
В потомстве не отозвалась;
Бесился, что запятнан герб,
Что родовая честь уцерб
Несет, что древняя семья
Вся происшествием таким
Оскорблена с главой своим:
Он твердо верил, что пред ним
Склонен весь мир, и первый - я.
Ах, черт! С пажом! Будь то король,
Ну что ж, куда ни шло, - изволь!
Но паж! Сопляк!.. Я гнев понять
Мог - но не в силах описать!..

IX

"- Коня сюда! - Ведут коня.
Нет благородней скакуна!
Татарин истый! Лишь два дня,
Как был он взят из табуна.
Он с мыслью спорил быстротой,
Но дик был, точно зверь лесной,
Неукротим: он до тех пор
Не ведал ни узды, ни шпор.
Взъероша гриву, опенен,
Храпел и тщетно рвался он,
Когда его, дитя земли,
Ко мне вплотную подвели.
Ремнем я был к его спине
Прикручен, сложенным вдвойне;
Скакун отпущен вдруг, - и вот,
Неудержимей бурных вод,
Рванулись мы - вперед, вперед!

X

"Вперед! - Мне захватило грудь.
Не понял я - куда наш путь.
Бледнеть чуть начал небосвод;
Конь, в пене, мчал - вперед, вперед!
Последний человеческий звук,
Что до меня донесся вдруг,
Был злобный свист и хохот слуг;
Толпы свирепой гоготня
Домчалась с ветром до меня.
Я взвился в ярости, порвал

Ремень, что шею мне сжимал,
Связуя с гривой коня,
И на локтях кой-как привстал,
И кинул им проклятье. Но
Сквозь гром копыт, заглушено,
К ним, верно, не дошло оно.
Досадно!.. Было б сладко мне
Обиду им вернуть вдвойне!
Но, впрочем, мой настал черед:
Уж нет ни замка, ни ворот,
Ни стен, ни подвесных мостов,
Мостков, бойниц, решеток, рвов;
В полях ни стебелька; жива
Одна лишь сорная трава
Там, где очаг был. Будь вы там,
Ни разу б не приснилось вам,
Что был тут замок. Видеть мне
Ту крепость довелось в огне,
Как падал за зубцом зубец,
И тек расплавленный свинец
Дождем с обуглившихся крыш!
Нет, - месть мою не отворишь!
Не чаяли они, гоня
Молниеносного коня
Со мной на гибель, что опять,
С десятком тысяч скакунов,
Вернусь я - графу честь воздать,
Раз он пажей катать готов!
Он славно пошутил со мной,
Связав со взмыленным конем;
Ему я шуткою двойной
Недурно отплатил потом:
Всеу приходит свой черед,
И тот, кто миг подстережет,
Возьмет свое. Где в мире путь,
Которым можно ускользнуть,
Коль недруг жаждет счеты свести
И в сердце клад лелеет - месть?

XI

"Вперед, вперед - мой конь и я
На крыльях ветра! След жилья
Исчез. А конь все мчался мой,
Как в небе сполох огневой,
Когда мороз, и ночь ясна,
Сияньем северным полна.
Ни городов, ни сел, - простор
Равнины дикой, темный лес
Каймой, да на краю небес
Порой, на смутном гребне гор,
Стан башни: от татар они
Хранили степь в былые дни,
И все. Пустыня. Год назад

Турецкий тут прошел отряд,
А где спаги оставил след,
Травы в лугах кровавых нет.
Был сер и дымен небосвод;
Унылый ветер стонал порой,
И с ним бы стон сливался мой,
Но мчались мы - вперед, вперед
И глох мой вздох с моей мольбой.
Лил ливнем холодный пот с меня
На гриву буйную коня,
И, в ярости и страхе, тот,
Храпя, все длил безумный лет.
Порой казалось мне, что он
Скок замедляет, изнурен;
Но нет, - нетрудной ношей был
Мой легкий стан для ярых сил;
Я шпорою скорей служил:
Лишь дернусь, боли не стерпев
В руках затекших, - страх и гнев
Коню удваивают пыл;
Я слабо крикнул, - сгоряча
Рванулся он, как от бича:
Дрожа при каждом звуке, он
За трубный рев мой принял стон.
Ремень мне кожу перетер
Меж тем, и кровь текла по нем,
И в горле сдавленном моем
Пылала жажда, как костер.

XII

"Мы в дикий лес влетели; он
Шел без конца, со всех сторон;
Пред строем вековых стволов
Сильнейших бурь бессилен рев,
Что, из Сибири налетев,
Здесь листья лишь дерут с дерев.
Он впроредь рос, а ширь полян
Покрывл кустов зеленый стан,
Чья, пышная весной, листва
С туманом осени - мертва
И падает к ногам дерев,
Суха, безжизненно зардев,
Как кровь на мертвецах, что в ряд
Непогребенные лежат,
И ночь дыханьем ледяным
Так заморозит лица им,
Что даже вороны подчас
Не выключот зальдевших глаз...
То дикий был подлесок. Вкруг
Там мощный дуб вставал, там бук,
Там грубая сосна; но ствол
Не, льнул к стволу, не то б нашел
Я рок иной; путь уступал

Кустарник нам и не терзал
Мне тела. Жить еще я мог:
Стянул мне раны холодок,
И не давал упасть ремень;
В кустах мы мчались целый день,
Как вихрь; я слышал волчий вой
И волчий бег в глуши лесной,
Звук неумных их прыжков,
Что бесят гончих и стрелков;
Они летели нам вослед,
И не спугнул их и рассвет;
Была - не далее сука
С зарей их стая к нам близка,
И слышал я сквозь мрак ночной
Вплотную в гущине лесной
Пугливый бег их воровской.
О, если б дали мне мое
Оружье, - меч или копье,
Чтоб мог, коль надо умирать,
Жизнь подороже я продать!
В начале скачки я мечтал,
Чтоб конь мой, изнурен, упал;
Теперь дрожал я, что из сил
Он выбьется. Нет! Он хранил
Дар предков диких: мощный бег
Оленя. Не быстрее снег
Заносит горца у ворот,
Куда он больше не войдет,
Пургою ослеплен, - чем мой
Стремился конь тропой лесной,
Свиреп, неукротим и дик,
Как раздраженный вдруг отказом,
Его не знавший, баловник
Или как женщина, что вмиг
Теряет от обиды разум.

XIII

"Лес пройден. Непонятно стыл
Июньский день. Иль в недрах жил
Кровь стыла? Длущаясь боль
Сильней ведь самых твердых волей.
Тогда иным был я: кипуч,
Неукротим, как горный ключ,
Готов явить и страсть, и гнев,
В них разобраться не успев,
Представьте ж ярость, боль, испуг,
Всю смену вынесенных мук,
Озноб мой, голод, горе, стыд,
Раздетость, горький хмель обид!
Весь род мой гневен: кровь - огонь;
Нас лучше не задень, не тронь,
Не то гремучею змеей
Взовьемся мы, готовы в бой;

Что ж странного, коль я на миг
Под гнетом мук моих поник?
Земля исчезла; небосвод
Вдруг вбок поплыл. Свалюсь! Вот-вот!..
Но нет: ремень был крепок тот.
Грудь сжало; мозг пылал, и звон
Стоял в ушах, но смолк и он:
Вертелось небо колесом;
Как пьяный, гнулся лес кругом;
Вдруг молний сноп, кроваво ал,
Мне взор застлал. Кто умирал,
Не мог бы умереть полней.
Истерзан скачкою моей,
Тьмы уловив
Прилив, отлив,
Я силился очнуться, но
Не мог собрать себя в одно!
Так, утопая, льнешь в тоске
К ныряющей в волнах доске,
Вверх-вниз, вверх-вниз, - и по волнам
Скользишь к пустынным берегам.
Мерцала жизнь, как те огни,
Что призрачно снуют в тени,
Когда глушит полночный сон
Мозг, что горячкой воспален.
Но бред прошел, с ним - боль и стон;
Но горько было: понял я,
Что, в миг последний бытия,
Страдалец терпит, - если он
Не обречен на худший страх,
Пока не превратится в прах...
Ну что ж! Нередко я с тех пор
Стоял пред Смертью - взор во взор!

XIV

"Вернулась мысль. Где мы? Я зяб,
В висках гудело. Как ни слаб,
Вновь пульс мой жизнь вливал в меня,
Пока вдруг боль как от огня
Меня свела, и к сердцу вновь
Пошла отхлынувшая кровь;
В ушах возник нестройный гул;
Забилось сердце; я взглянул,
Я видел: зренье вновь пришло,
Но мутно все, как сквозь стекло.
Я волн вблизи слышал плеск,
Звезд видел в небе смутный блеск;
Не сплю я: дикий конь плывет
В стремнине столь же диких вод!
Виясь, шумна и широка.
Неслась прекрасная река;
На стрежне мы; изо всех сил
Конь к берегу чужому плыл;

На миг я силы ощутил:
Мой обморок волною смывает,
И бодрость вновь она дарит
Рукам распухшим. Мощью полн,
Конь гордо бьется против волн,
Мы движемся вперед.
Вот наконец и берег тот
Как пристань предстает.
Но рад я не был: позади
Был страх, ждал ужас впереди,
И ночь - повсюду разлита.
Как долго длилась пытка та,
Не рассказать. Едва ль я знал.
Дышал я или не дышал.

XV

"Намокла грива; шерсть блестит,
Конь тяжело дышит, весь дрожит,
И все ж - достаточно ретив,
Чтоб взвиться на обрыв.
Мы наверху. Во тьме ночной
Вновь даль равнины неживой:
Опять простор, простор, простор
Как бездны в снах души больной
Захлестывает взор.
Кой-где вдали белеет блик,
Кой-где угрюмый куст возник
В туманных отблесках луны,
Встающей с правой стороны,
Но хоть бы малый след
Жилья означил лунный свет
В пустыне беспредельной, - нет!
Мелькни костер во тьме ночной
Нам путеводною звездой,
Болотный огонек в тени
Насмешкой надо мной блесни,
Нет! - И ему бы я был рад,
Лги он, обманывай, скользи:
Он бы уверил скорбный взгляд.
Что человек вблизи!

XVI

"В путь - вновь; но вяло, кое-как:
Уж нету дикой мощи той,
Весь в мыле, бег сменил на шаг
Конь истомленный мой.
Теперь и малое дитя
Им управляло бы шутя,
Но что мне пользы в том?
Он укрощен, но связан я,
А развяжись, - рука моя
Не справится с конем.
Я все ж попробовал опять
Тугие ремни разорвать,

Увы! не удалось:
Я лишь больней их на себе
В бесплодной затянул борьбе,
И бросить все пришлось.
Казалось, кончен дикий скок,
Но где предел? - еще далек!
Вот мглисто посветлел восток,
Как был рассвет тягуч!
Казалось, что сырая мгла,
Клубясь, темна и тяжела,
Навеки солнце облекла,
Пока багряный луч
Не бросил звезд бессильных ниц,
Затмив лучи их колесниц,
И с трона залил мир кругом
Своим единственным огнем.

XVII

"День встал. Клубясь, исчезла мгла,
И все ж - пустыня вокруг была,
Куда лишь глаз хватал. Зачем
Стремиться по просторам тем
Чрез поле, реку, лес? Там нет
Людей, - зверей нет! Хоть бы след
Копыт иль ног по целине,
Знак жизни! В тяжелой тишине
Сам воздух там застыл
Не слышен тонкий рог цикад,
Птиц - или нет, или молчат.
Шатаясь, из последних сил,
Брел конь мой, - долго; тяжело он
Был изнурен и запален;
И все - пустырь со всех сторон.
Вдруг долетело до меня
Как будто ржание коня
Из чащи сосен, - или там
Промчался ветер по ветвям?
Но нет: из леса к нам летит
С тяжелым топотом копыт
Табун огромный, яр и дик;
Хотел я крикнуть - замер крик.
Как эскадрон, летят ряды;
Где ж всадники - держать бразды?
Их тысяча - и без узды!
По ветру - гривы и хвосты;
Раздуты ноздри, вольны рты;
Бокам их шпоры и хлысты
Неведомы, зубам - мундштук,
Ногам - подков железный круг;
Их тысяча - сплошь дикарей;
Вольнее волн среди морей,
Они, гремя, неслись
Навстречу нам, а мы - плелись.

Но моего коня взбодрил
Их вид на миг; из крайних сил
Рванулся он, слегка заржал
В ответ им - и упал.
Дымясь, хрипел он тяжело;
Глаза застыли, как стекло,
И сам застыл он. Первый бег
Был и последним - и навек!
Видал табун,
Как пал скакун,
Видал простертого меня
В петлях кровавого ремня;
Все стали, вздрогнули, все пьют
Ноздрями воздух, прочь бегут,
Вновь подлетают, вновь - назад,
Дыбятся, прыгают, кружат
Вслед патриарху: за собой
Вел конь их, мощный, вороной,
Без нити белой, чья бы вязь
В косматой шерсти завилась;
Ржут, фыркают, храпят - и бег
В свой лес помчали: человек
Им, по инстинкту, страшен был.
А я лежал, простерт, без сил,
На мертвом стынущем коне,
На коченеющей спине,
Что перестала чувствовать груз;
Но страшный разорвать союз
Не мог я и лежал, простерт,
На мертвом - полумертв.
Не ждал я видеть день второй
Над беззащитной головой.
До сумерек следил я тут
За ходом медленных минут;
Я знал, что хватит жизни - взгляды
Послать последний на закат;
Дух, безнадежностью объят,
Был примирен, был даже рад,
Что наконец оно пришло
То, что казалось худшим, зло.
Смерть неизбежна; благо в ней,
Хоть и уносит в цвете дней;
И все же всем она страшна,
Силками кажется она,
Что можно обойти.
Порой зовут ее, молясь,
Порой - на свой же меч ложась,
Но все же - страшный в ней конец
И для растерзанных сердец:
Ужасней нет пути.
И странно: дети наслаждений,
Что жизнь проводят в вечной смене

Пиров, любви, безумств и лени,
Спокойней ждут ее, чем те,
Кто в муке жил и нищете.
Тем, кто изведаль на лету
Всю новизну, всю красоту,
Чего желать, к чему лететь?
И, кроме лишних дней (а их
Всяк видит, идя от своих
Здоровых нервов иль больных),
И нечего жалеть.
Бедняк же бедам ждет конца,
И смерть для скорбного лица,
Для глаз пугливых - враг, не друг,
Пришедший выхватить из рук
Плод райский, - воздаянье мук:
Ведь Завтра - все ему вернет,
Икупит боль, развеет гнет;
Ведь Завтра - будет первым днем,
Что со слезами незнаком,
Что ряд начнет счастливых лет,
Блиставших сквозь туманы бед;
Ведь завтра он не станет клясть
Судьбу, получит мощь и власть
Блистать, владеть, спасать, губить,
И Утру - вдруг на гроб светить?!

XVIII

"Закат, - а все ремнем тугим
Я связан с трупом ледяным;
Смешаться должен был наш прах,
Я ждал; стояла смерть в глазах,
С надеждою прогнав и страх.
Прощальный взор я в небосклон
Послал; мне застилая свет,
Кружил там ворон; распален,
Моей дождется ль смерти он,
Чтоб свой начать обед?
Он сел, вспорхнул и снова сел,
И вновь поближе подлетел;
Я видел взмахи крыльев; раз
Так близко сел он, что тотчас,
Будь силы, я б ударить мог
Его, - но хрустнул лишь песок
Под слабою рукой, лишь стон
Сорвался с губ, не крик, - и он
Вспорхнул и улетел совсем.
Но что произошло затем,
Не помню. Сон последний мой
Был нежной осиян звездой;
В глаза глядел мне из-за туч
Ее мерцавший, зыбкий луч;
Затем вновь холод, тусклый бред,
Сознания сумеречный след,

И вновь блаженный смертный сон,
И вновь беззвучный вздох и стон,
Дрожь... миг бесчувствия... в сердце лед.
Б мозгу внезапных молний взлет...
Боль, что свела меня всего...
Вздох, дрожь... и - ничего.

XIX

"Очнулся я... Где я? Ужель,
Взор человеческий надо мной?
Под ноющей спиной - постель?
Уютный кров над головой?
Я - в комнате? Все наяву?
Ужель земному существу
Тот яркий взор принадлежит,
Столь ласковый? - Ресницы я
Смежил, боясь, что этот вид
Лишь грезы забытья.
Там девушка с густой косой,
Большая, стройная, за мной
Следила, сидя под стеной;
Оцепенение мое
Страхнув, я встретил взор ее:
Он черен был, блестящ и смел;
Он состраданием горел
Ко мне; как бы молился он.
Я понял: то - не сон!
Я жив, - и тело драть мое
Не будет жадно воронье!
Казачка, увидав, что я
Очнулся вдруг от забытья,
Мне улыбнулась. Я открыл
Глаза, сказать хотел, - нет сил;
Она стремится свой легкий шаг
И, палец приложив к губам,
Не говорить дает мне знак,
Пока оправлюсь так, что сам,
Без муки, волю дам словам;
Потом слегка мне руку жмет,
Подушку половчей кладет
И к двери на носках идет.
Чуть приоткрыла, шепчет в щель;
Я мягче голоса досель
Не слышал. Музыка была
В самих шагах ее; звала
Она кого-то, - нет их: спят.
Она сама выходит, взгляд
Мне кинув, знак подав, чтоб я
Не опасался, - что семья
Вся здесь; что все на зов придут;
Что только несколько минут
Ее не будет тут.
Ушла, - и хоть на краткий срок

Я все ж остался - одинок.

XX

"С отцом и с матерью тотчас
Она вошла... К чему рассказ
О прочем, - с той поры, что кров
Я отыскал у казаков?
Они без чувств меня нашли,
В ближайший дом перенесли,
Вернули к жизни, - и кого?
Кто стал владыкой их земли!
Так злой безумец, торжество
Справлявший злобно надо мной,
Когда один, в крови, нагой,
Я в степь был выгнан, - мне провел
Путь чрез пустыню на престол!
Как смертному узнать свой рок?
Будь сердцем тверд, душой высок!
Быть может, завтра на лугу,
Там, на турецком берегу,
За Борисфеном, мы дадим
Коням пастись... Вовек с таким
Восторгом рек я не встречал,
Как встречу завтра, если б дал
Нам рок - дойти!.. Спокойных снов,
Друзья!"
На ложе из листов
Под сенью дуба гетман лег
Во весь свой рост; удобно мог
Там он уснуть: привычен он
Спать всюду, где застигнет сон...
Что ж Карл спасибо за рассказ
Не скажет? - Гетман не смущен:
Карл спит - по крайней мере час.

КОММЕНТАРИИ

Поэма написана Байроном осенью 1818 г. Опубликовано отдельным изданием (вместе с поэмой "Ода к Венеции") 28 июня 1819г.

Мазепа, Иван Степанович (1644-1709) - выходец из украинской дворянской семьи, воспитывался при польском королевском дворе под воздействием иезуитов. Гетман Левобережной Украины с 1687 г. Предал интересы Украины и России, ведя политику сговора с Польшей, а затем перебежав на сторону шведского короля Карла XII. После поражения под Полтавой (1709) бежал вместе с Карлом XII.

...был пажом Яна Казимира... - Ян Казимир - польский король (1609-1672).

До дня, что горше и мрачней... - Байрон говорит о походе Наполеона в Россию в 1812 г. и его бесславном поражении. К моменту создания поэмы Байрон имел уже широкое и детальное представление об этом историческом событии от русского дипломата Петра Борисовича Козловского (1783-1840), с которым поэт познакомился в 1812-1813 гг. в Лондоне, и в еще большей мере от участника этого похода - французского писателя Стендаля (Анри Бейля, 1783-1842), с которым встречался в Милане в октябре 1816 г.

Достойнее, чем куртизан... - Куртизан - здесь - придворный.

...Острый взор // С дней Александра до сих пор // Столь ладной пары б не сыскал. // Чем

ты и этот Буцефал. - Здесь Мазепа и его конь сравниваются с Александром Македонским и его конем по кличке Буцефал.

Борисфен - древнегреческое название реки Днепр.

Тирсит - возможно, по аналогии с Терситом, - жалкий пиит, посягнувший соревноваться с великими поэтами.

А где спаги оставил след... Спаг_и_ - вид легкой кавалерии во французских колониальных войсках в XIX-XX вв.; формировались в Сев. Африке.

А. Николюкин